

Большинство следующих глав первой части также непосредственно посвящено проблеме художественной образности. Излагая те или иные приемы пополнения периодов, распространения слова, возбуждения, утоления и изображения страстей, изобретения вымыслов, Ломоносов подчеркивает, что основной целью является живое, картинное представление идей. Так, говоря о «риторических распространениях», он определяет их как «присовокупление идей к кратким предложениям, *которые их изъяснить и в уме живые представить могут*».⁵ «И посему, — добавляет Ломоносов, — риторические распространения не должны быть пустые собрания речений, мало или ничего к вещи принадлежащих, которые больше разум отягощают и отнимают краткого слова ясность» (стр. 127).

Определив «умножительное распространение», Ломоносов снова оговаривается, что оно «пополняет слово, а не надувает или растягивает. В сем погрешают многие из новых сочинителей, когда, забыв меру, принуждают себя, чтобы распространить слово. Никакого погрешения больше нет в красноречии, как непристойное и детское, пустым шумом, а не делом наполненное многословие» (стр. 128).

В главе «О возбуждении, утолении и изображении страстей» Ломоносов на первое место среди всех средств возбуждения страстей выдвигает «живо представленные описания, которые очень в чувства ударяют, а особливо как бы действительно в зрении изображаются» (стр. 169—170).

Что касается второй части «Риторики», носящей название «Об украшении», то она в еще большей степени связана с проблемой образности. В ней подробно рассматриваются различные виды поэтических тропов и фигур. Иными словами, она содержит то, что принято сейчас называть стилистикой, причем значительное большинство высказанных здесь положений, правил и определений сохраняет свое значение и сейчас.

Таким образом, повторяем, основное в риторике — это проблема художественной образности. Традиционная терминология — «изобретение», «распространение», «украшение» и т. д. — не должна вводить нас в заблуждение.

Правда, в «Риторике» Ломоносова отсутствует определение и понимание художественной литературы как специфической формы постижения мира, отличной от научного мышления. Но с исторической точки зрения это вполне оправдано. В то время художественная литература еще только начинала выделяться из общего состава письменности. Для самого Ломоносова поэтическая практика была неотъемлемой частью его общей научно-просветительской деятельности, одним из средств борьбы за экономическое и культурное преобразование страны. В отчетах о научной работе

⁵ Курсив наш, — А. О.